

Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2(59). С. 192–199
Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies). 2023;(2(59)):192–199

Научная статья

УДК 7.046

doi: 10.47598/2078-9025-2023-2-59-192-199

ЛАБИРИНТЫ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО МИФА: ВЛИЯНИЕ ОБРАЗОВ ПОДЗЕМЕЛЬЯ НА ГОРНЯЦКУЮ МИФОЛОГИЮ

Танзиля Алтафовна Нигматуллина¹, Людмила Олеговна Терновоя^{2✉}

¹Башкирский институт социальных технологий (филиал) Академии труда и социальных отношений, Уфа, Россия, ufabist@ufabist.ru

²Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет (МАДИ), Москва, Россия, 89166272569@mail.ru✉

Аннотация. Обозначилось несколько причин обращения к проблемам шахтерской мифологии. Первая из них заключается в том, что в современной информационной ситуации происходит активное расширение пространства воображения, частью которого выступают сюжеты мифов. Создаются новые мифы, частично принимающие, но в большей степени искажающие принципы организации мифического мира. Вторая причина затрагивает проблемы социальной мифологии, где особые признаки имеются у профессиональной мифологии. Третья причина заставляет обратить внимание на шахтерскую мифологию, имеющую общие черты для разных регионов мира, но, главное, оказывающую исключительно сильное влияние на ментальность горняков.

Ключевые слова: социология воображения, мифология, недра, подземелье, профессиональная ментальность, шахтеры

Для цитирования: Нигматуллина Т. А., Терновоя Л. О. Лабиринты профессионального мифа: влияние образов подземелья на горняцкую мифологию // Вестник БИСТ (Башкирского института социальных технологий). 2023. № 2 (59). С. 192–199. <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-192-199>.

Research article

LABYRINTHS OF PROFESSIONAL MYTH: THE INFLUENCE OF UNDERGROUND IMAGES ON MINING MYTHOLOGY

Tanzilya A. Nigmatullina¹, Ludmila O. Ternovaya^{2✉}

¹Bashkir Institute of Social Technologies (branch) of the Academy of Labor and Social Relations, Ufa, Russia, ufabist@ufabist.ru

²Moscow Automobile and Road Construction State Technical University (MADI), Moscow, Russia, 89166272569@mail.ru✉

Abstract. There are several reasons for addressing the problems of mining mythology. The first of them is that in the modern information situation there is an active expansion of the space of imagination, part of which are the plots of myths. New myths are being created, partially accepting, but to a greater extent distorting the principles of organization of the mythical world. The second reason concerns the problems of social mythology, where professional mythology has special features. The third reason makes us pay attention to the mining mythology, which has common features for different regions of the world, but, most importantly, has an exceptionally strong influence on the mentality of the miners.

Keywords: sociology of imagination, mythology, bowels, underground, professional mentality, miners

For citation: Nigmatullina T. A., Ternovaya L. O. Labyrinths of professional myth: the influence of underground images on mining mythology. *Vestnik BIST (Bashkirskogo instituta social`ny`x texnologij)* = *Vestnik BIST (Bashkir Institute of Social Technologies)*. 2023;(2(59)):192–199. (In Russ.). <https://doi.org/10.47598/2078-9025-2023-2-59-192-199>.

Под натиском всевозможных сложностей, проявляющихся как в повседневной жизни, так и на более высоком уровне политической и социально-экономической реальности, происходит неизбежное обращение людей к образам, позволяющим интерпретировать имеющиеся проблемы языком мифа. Миф обладает удивительными способностями. Он показывает, с одной стороны, фантастические, но, с другой стороны, очень близкие человеку формы успокоения, утешения и в итоге выхода из тупика. Выдающийся отечественный философ и религиозный мыслитель А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа» обращал внимание на то, что «миф есть бытие личностное или, точнее, образ бытия личностного, личностная форма, лик личности» [1, с. 459]. Эти особенности мифа объясняются тем, что он не просто демонстрирует готовые варианты разрешения трудностей, но и преподносит их в такой чувственно-эмоциональной оболочке, которая не оставляет места для просачивания в сознание человека сомнений в правильности предлагаемого мифической картиной выбора.

В каждую эпоху обнаруживались собственные беды, опасности, вызовы, отвечающие уровню и качеству развития не только экономики, политики, культуры, но и человеческого капитала. И точно так же формировались отвечающие им мифы [2, с. 8–12; 3, с. 498–502]. В совокупности они складывались в масштабную затейливую мозаику, в которой легко было, переложив отдельные фрагменты, компоновать сюжет, востребованный в конкретных, как правило, экстремальных обстоятельствах. Чем ближе было к нашему времени, тем современнее становилась природа возникновения фрагментов этой мозаики, благодаря чему актуальнее звучали собранные из них сегменты.

Если в давние периоды интерпретация непонятных идеологических конструктов входила в задачу архаической мифологии с ее образами богов и героев, то в наши дни эту миссию перехватила социальная мифология. Под ней можно понимать «аксиологически нагруженный феномен, образующий систему мифов о процессах общественного развития и обществе в целом, оказывающий существенное влияние на общественное сознание и приво-

дящий к активизации деятельности отдельных социальных групп, всего социума» [4, с. 5]. Социальная мифология, как и все социальное пространство, неоднородна. В ней есть стабильные островки концентрации представлений людей о времени и о себе в профессиональном, национальном, региональном и иных ракурсах. Но все больше становится таких частей, которые бурно трансформируются, отражая перемены в отношениях к семье, полу, религии.

Профессиональную мифологию можно отнести к наиболее стабильной части социальной мифологии. Во многом эта характеристика опирается на то, что подавляющее большинство профессий имеет глубокие корни. Образы профессий настолько далеко проросли в историю, что дают основание извлекать оттуда как профессиональные архетипы, так и базовые положения кодексов профессиональной чести. Даже относительно новые профессии стремятся найти у себя такие же основания, как у профессий прошлого, или искусственно состарить себя, например, путем обретения собственного святого покровителя [5, с. 141 — 152].

Интерпретируя профессиональную мифологию с позиций спиральной динамики, ее следует поместить на второй — фиолетовый — уровень, идущий за бежевым, являющийся уровнем выживания, где у организации нет структуры, связей, ощущения безопасности. На фиолетовом уровне уже появляются коммуникации, профессиональный язык, позволяющий сформировать и закрепить не только образы и традиции, но и кланы. Именно они превращаются в хранителей ритуалов, носителей памяти, защитников священных мест. Однако помимо таких отрицательных характеристик на этом уровне видны безусловные плюсы социальной интеграции, позволяющей членам коллектива почувствовать защищенность и безопасность, в частности, благодаря установлению гармонии с природой и ее мифологическими образами [6].

Такие черты более всего заметны у представителей тех профессий, что связаны с повышенной опасностью, заставляющей людей помимо развития навыков выживания обращаться к мистическим силам с мольбой о за-

щите. Подземный мир есть именно такая тревожная среда, в которой бушуют хтонические (греч. *χθών* — земля, почва) силы, порожденные дикой природной мощью. Овладение этими пространствами лежит в основе множества интересов: геополитических, экономических, меркантильных и даже мистических [7, с. 29–45; 8]. У лиц, непосредственно воплощающих эти интересы, независимо от того по собственному ли желанию они это делают или по принуждению, формируется особая профессиональная ментальность, в которой есть место для исключительно устойчивых понятий трудового героизма, чести и достоинства, а также для профессиональной мифологии, где сплетаются смыслы пространства и времени, одновременно сжатые в склепе подземелья и распахнутые в наземный мир благодаря мощным ритмам исходящей от него энергии.

В тех регионах, где основой выживания выступала сила недр Земли, менталитет их населения базировался на ценностях, связанных с шахтерским трудом. При этом «основные особенности трудовых ценностей менталитета шахтеров заключаются в том, что доминирующую роль играют не индивидуальные, а коллективные ценности, чувство социальной ответственности, следование идеалу, авторитету, готовность к самопожертвованию, долготерпение, отчаянная храбрость. Как следствие, важной чертой шахтерской ментальности становится общественно одобренный труд» [9, с. 23–24].

Такая ментальность помогает поддерживать возможности человека работать в условиях постоянной опасности. Но ни ощущение товарищества, ни знания и опыт не в состоянии затмить все реальные риски шахтерского труда, а еще и добавленные к ним страхи из-за пребывания в местах, напоминающих преисподнюю. Отсюда органичным становится обращение горняков к языку мифа. Один из крупнейших отечественных специалистов в области лингвистики, литературоведения, фольклористики Р. Р. Гельгардт описал особенности шахтерских поверий в статье «Фантастические образы горняцких сказок и легенд (к типологической характеристике старого рабочего фольклора)», вошедшей в сборник «Русский фольклор. Материалы и исследования» [10,

с. 193–226]. В этой работе Р. Р. Гельгард объяснял причины того, почему вера шахтеров в могущество подземных духов оказывалась сильнее, чем официальная религия. Ученый приводит примеры, что до 1917 года от сибирских шахтеров можно было услышать просьбу «Дай, Горный» вместо обычного выражения «Боже, помоги». Горняки всячески задабривали хозяев недр, принося им разные подношения. Этим они не только пытались испросить поддержку и стремились защититься от беды, которую могли наслать на них силы подземелья, но и надеялись на заступничество перед непосредственным начальством, хозяевами и властями. Р. Р. Гельгард видел в этих обрядах прямую связь с русскими крестьянскими поверьями, в которых герои низшей мифологии были наиболее близки человеку, а потому от них зависел порядок протекания самых обыденных событий [11]. Шахтеры, в основном имевшие крестьянское происхождение, перенесли образы домовых, леших, водяных и прочих духов, всеми своими магическими возможностями защищающих вверенные им богатства, на образы духов-защитников подземного мира. Повсеместно в местах разработок ископаемых было принято оставлять различные подношения, чтобы задобрить таких духов и заручиться поддержкой.

Шахтерская мифология имеет несколько уровней погружения в ее образы. Первый из них отражает логику перевертывания картины мира, в которой вместо земли знаковым пространством становится подземелье, вместо мирских, профанных координат теперь в нем надо руководствоваться координатами сакрального, хтонического порядка. На втором уровне мифологии раскрывается, как, свышись с такой необходимостью, человек, находящийся под землей, оказывается в ожидании чуда или награды, а потому включает в своем сознании все известные ему коды коммуникации с подземными существами. Следующий, третий, уровень погружения в шахтерскую мифологию локализует сознание и концентрирует внимание на взаимодействии с теми духами места, которые присуще лишь ему одному и выступают его охранителями.

Эти духи недр способны представляться в самых разных обликах. Они могут иметь ан-

тропоморфное происхождение, как Хозяйка Медной горы, Горный батюшка, Мария Глубокая, Шубин, Девка Синюшка. Многие из подземных хранителей имеют черты персонажей низшей мифологии: кобольд, никель и прочие стуканцы. Порой горный дух воплощается в виде животного: синий заяц, олень с серебряным копытцем, лось с золотыми рогами. А о попытках официальной религии бороться с засильем подземной нечисти в шахтерской мифологии говорит появление в ней представителей христианского пантеона, например, святого Лоренцо.

На первый взгляд, в этой типологии нет отличий от прочих классификаций различных «гениев места» (лат. *genius loci*), выступающих духами-покровителями конкретной территории [12, с. 155–157]. Разница проявляется не в том, в каком образе воплощается в сознании горняков рудничный дух, а в его силе, власти, могуществе, которые во многом превосходят ту энергию, что требовалась бы для обеспечения безопасности копей. Эта властная сила ярче всего проявляется в антропоморфных воплощениях духов-охранителей подземелья. Например, Хозяйка Медной горы, которую порой называют Азовкой или Малахитницей, предстает в уральских сказах писателя, фольклориста, публициста и журналиста П. П. Бажова, созданных на основе преданий уральских горнорабочих, не только как грозная владычица сокровищ Урала, но и как мудрая правительница, прекрасно осведомленная о проблемах всего Русского государства. К сожалению, к ее милости вполне применимы слова горничной Лизы из комедии А. С. Грибоедова «Горе от ума» (1824): «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев и барская любовь». Даже благоволение Хозяйки не шло на пользу приглянувшему ей работникам, которым их бытие становилась немилым после знакомства с богатством подземных чертогов Медной горы Хозяйки.

Другой женский образ духа-хранителя недр можно встретить в мифологии шахтеров Донбасса. Это — Мария Глубокая, о которой повествует в книге «Горькое Жито Донбасса» писатель и краевед М. Я. Лебедь [13]. Ее история поучительна тем, что раскрывает источники происхождения горных персонажей низшей мифологии в тесной связи с обычной челове-

ческой судьбой, в данном случае обманутой девушкой, которую коварный возлюбленный, скрывающий то, что он уже женат, сбрасывает в глубокую шахту. И если применительно к Марии Глубокой мы не можем говорить о силе власти в аспекте государственного управления, то ее сила проявляется в неумирающей любви.

С образом Марии Глубокой сближается фигура Лолы (исп. *La Lola*) из чилийской шахтерской мифологии. У горняков провинции Кольчагуа сохранилась легенда о том, как обнаружение богатой медной жилы в Андах превратилось в повод конфликта старателей, в результате чего один из них был убит. Молодая вдова погибшего, стремясь отомстить за смерть мужа, в поисках убийцы углубляется в шахты, где также погибает. Но ее призрак периодически является шахтерам, которые воспринимают его появление как дурное предзнаменование обвала и какой-либо иной беды.

Антропоморфные образы гениев подземелья, как правило, наделяются чертами, отличающими людей шахтерского труда. Это делает их ближе и понятнее горнорудным работникам, облегчает сам процесс обращения за помощью в критических ситуациях. Поэтому и имена у них подчеркивают родство с горняками: Горный дед, Горный батюшка. А существование в мифологии шахтерской Германии фигуры Горного, или Рудничного монаха (нем. *Bergmönch*) напоминает о том, что некогда шахты принадлежали монашеским орденам [14]. Исследователи относят образы Горного деда и Горного батюшки, которых почитают шахтеры Сибири и Алтая, к очень древним. Эти хранители подземных богатств тщательно охраняют их, могут не подпустить к добыче нечестных старателей, а приглянувшихся им людей они предупреждают о грозящей опасности. Поскольку такие духи, по поверьям, похожи на человека, то и потребности имеют схожие с людьми. В «Энциклопедии славянской культуры, письменности и мифологии» А. А. Кононенко обращает внимание на то, что в давние времена мастера оставляли Горному деду подношения, пряча в укромных местах качественный табак с трубкой и водку [15].

В мифологии шахтеров Донбасса присутствует фигура Шубина, по одной из версий,

в земной жизни бывшего крепильщиком на одной из шахт. В Шубине воплощаются те же черты, что и в Гордом деде, а также проявляются амбивалентные характеристики доброго и злого хозяина. Любопытны истории, раскрывающие происхождение прозвища этого шахтерского духа, начиная от прямой связи с человеком, носящим такую фамилию и работавшим в шахте талантливым мастером, способным предугадывать опасности, или простым шахтером, погибшим из-за подлости бывших товарищей, и заканчивая визуальной характеристикой покрытого густым волосом тела, напоминающего шубу. В таком варианте Шубин близок другим восточнославянским героям низшей мифологии, выступающим духами природы и обладающим обилием волос (леший, полевой, водяной).

Такая связь с природой стала основанием для того, чтобы в образах персонажей шахтерской мифологии соединились антропоморфные и зооморфные признаки. Именно так выглядит злой шахтерский бог из Южной Америки Эль-Тео (исп. *El Tío* — дядя). Несмотря на то, что в регионе подавляющее большинство населения исповедует католицизм, шахтеры подстраховываются, обращаясь к этому божеству подземного мира, используя самые разные ритуалы, чтобы умилостивить Эль-Тео, о чем поведал выходец из шахтеров, боливийский писатель Виктор Монтойя в «Сказках шахты».

Почти все антропоморфные представители шахтерской мифологии обрели популярность в массовой культуре.

В отличие от русской шахтерской мифологии, где большинство героев схожи своим внешним обликом с людьми, европейская традиция чаще рисует загадочных существ подземелья, напоминающих гномов. Напомним, что есть две версии происхождения их названия: первая от латинского слова «*gēnomos*», непосредственно означающего подземного жителя, а вторая — от древнегреческого «*γνώσις*», что указывало на знание, которым обладают такие мифологические или сказочные существа. Применительно к горным духам из мифологии европейских государств можно говорить о соединении этих версий: мифические персонажи не просто были обитателями подземелья, но и обладали удивительными знаниями, как

в нем выживать и добывать невиданные богатства.

Несмотря на то, что в разных шахтерских регионах Европы у этих мифологических существ имелись разные прозвища, все они были удивительно похожими друг на друга и по внешнему виду, и по поведению. Часто их собирательным именем выступает прозвище «стуканцы» (англ. *Knockers*) из-за того, что во время своего быстрого передвижения по выработкам они громко стучат ногами. Все они имеют малый рост и достаточно крепкое телосложение. По обычаю, на них надета шахтерская форма. А по характеру эти духи проявляют такую же амбивалентность отношения к горнякам, как и антропоморфные персонажи шахтерской мифологии России. В мифологии Северной Европы дух шахты воплощается в образе кобольда (нем. *Kobold, Cobold*). У австрийских горняков это — Никель (нем. *Nickel*), также называемый «Медным дьяволом». Упоминание нечистой силы говорит об извращенном характере Никеля. Шахтеры Уэльса называют духов, обитающих в пещерах, шахтах и каменоломнях своего региона коблинау (валл. *Coblynau*), считая, что встреча с ними гарантирует удачу. Нокеры (англ. *Knockers*) из корнуолльского фольклора были также дружелюбными духами, готовыми понравившихся им шахтеров навести на богатую жилу и стуком предупредить об опасности. А потому горнякам надо выражать почтение этим духам подземелья: приносить еду и даже шить новую одежду.

В мифологии зооморфные существа встречаются даже чаще, чем антропоморфные персонажи. Это объяснимо большим разнообразием животного мира и способностью людей наделять его представителей свойствами, присущими человеку, что ярко проявилось в баснях и волшебных сказках. Родственен этим жанрам шахтерский фольклор, повествующий о мифических животных. Значительная часть мифологических животных в шахтерской мифологии действует в русле крестьянских легенд о даровании людям богатства силами природы за добрый нрав, усердие, ум и смелость. Поэтому олень с серебряным копытцем, лось с золотыми рогами, юркая ящерка такому человеку могут показать место, богатое залежами полезных ископаемых. Порой осчастли-

ленными оказываются малые дети, часто сироты, и приютившие их старики. Это становилось своеобразным сказочным выражением той надежды, которая только и была у этих обездоленных людей. Но иногда рассказы отражали реальные случаи нахождения подземных кладовых благодаря смекалке, а не случаю или мифическому помощнику.

Как правило, зооморфные персонажи были более прямолинейными, чем антропоморфные. И если они показывались человеку в шахте, то его ожидала либо удача, либо спасение, как при появлении Синего зайца. Цветом своим это мифологическое существо, скорее всего, было обязано наличию выделения метана, который синим мерцающим огоньком напоминал живое существо.

Такая неуловимость пламени, возникающего в газоносных пластах, которые находятся на большой глубине, выступала основой для формирования представлений о самых разных горных духах, «подземных демонах». При всем разнообразии их внешнего вида можно выделить некоторые закономерности, основанные на визуальной близости к европейским домашним духам, например, брауни (англ. *brownie*) из мифологии Шотландии и Северной Англии; ниссе (швед. *tomte, nisse, tomtenisse*; норв. и дат. *tomtenisse*; фин. *tonttu*), являющимися домашними духами из скандинавского фольклора, или голландским кабаутерам (нидерл. *Kabouters*). Некоторые из них удостоиваются индивидуального прозвища, в частности, как английский рудничный дух-помощник Голубая шляпа (англ. *Blue Cap*). Такая его окраска, как у Синего зайца, происходила из видевшегося шахтерам под землей голубого огонька.

Многие персонажи низшей мифологии пополнили ее ряды из-за того, что были вытеснены в сферу повседневной жизни христианизированными святыми. А среди них, хотя и сформировалась группа святых покровителей профессии, немногие снисходили до оказания содействия мелким хозяйствам по частным поводам. Но одним из тех христианских святых, который, будучи покровителем многих профессий, связанных с огнем, а в странах Латинской Америки был святым заступником горняков, до-

пустил почитание в стиле низшей мифологии, стал святой Лоренцо. После того, как 5 августа 2010 г. в Чили на шахте по добыче золота и меди Сан-Хосе близ города Копьяпо произошел обвал породы, а в результате аварии замурованными на глубине около 700 метров оказались 33 горняка, у входа в шахту установили статую святого. Помогло ли его заступничество или благодаря усилиям спасателей, но через 69 дней горняков удалось поднять на поверхность.

Безусловно, горняцкая мифология выступает органичной частью шахтерской ментальности, в которой далеко не все, связанное с безопасностью труда возможно сформировать развитием профессиональных компетенций. Многие навыки в критических обстоятельствах у шахтеров пробуждаются благодаря интуиции, вклад в которую вносит общее восприятие себя частью данного пространства, ощущение родства с силами природы и гением места. Неудивительно, что в далеких друг от друга шахтерских регионах сформировались близкие паттерны рудничной мифологии. Их отличительная черта заключается в том, что они отражают образы не только поддержки и солидарности, но и веру в чудо. Такая вера придает силу не только шахтерскому труду, но и сопротивлению. Известны мощные и успешные акции протеста шахтеров самых разных стран и в разные исторические эпохи.

Неверно ограничиваться пониманием влияния шахтерской мифологии лишь на профессиональную сторону активности горняков. Можно привести достаточное число примеров их участия в геополитическом сопротивлении. Знания горняков позволили военным разработать тактику тоннельной войны. Шахтеры проявляли героизм на фронте и в тылу во время Великой Отечественной войны.

Сами места разработок полезных ископаемых в сложные для жителей их регионов времена превращались в места силы, откуда давно были изгнаны страхи, и которые не только требовали от горняков смелости, но и находили образы, в том числе мифологические, помогающие ее обрести. Эти же истоки сохраняются в наши дни и во многом определяют стойкость жителей Донбасса.

Список источников

1. Лосев А. Ф. Из ранних произведений. Москва : Правда, 1990. 655 с.
2. Терновая Л. О. Мифы о границе в контексте интегрированной программы управления границами приграничного сотрудничества // *Materiały IX międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji "Wschodnie partnerstwo — 2013"* (Пшемысль, 7–15 сентября 2013 г.). Т. 1. Политология. Пшемысль : Nauka I studia, 2013. С. 8–12.
3. Терновая Л. О. Противостояние исторических мифов: языческий культ богов войны и его современные интерпретации // *Россия и Донбасс: перспективы сотрудничества и интеграции : материалы международной научно-практической конференции (28 июня 2022 г.)*. Москва : Издательский дом УМЦ, 2022. С. 498–502.
4. Иванов А. Г., Полякова И. П. Социальная мифология в пространстве повседневности и масс-медиа // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2018. № 1 (33). С. 5–15.
5. Терновая Л. О. Святые покровители политиков, журналистов и пользователей Интернета: новые акторы глобальной коммуникации // *Межконфессиональная миссия*. 2014. № 3. С. 141–152.
6. Бек Д., Кован К. Спиральная динамика. Управляя ценностями, лидерством и изменениями в XXI веке. Москва : BestBusinessBooks, 2010. 415 с.
7. Терновая Л. О. Геополитика подземных коммуникаций // *Власть истории и история власти*. 2020. Т. 6, № 19. С. 29–45.
8. Терновая Л. О. Геополитическая культура. Москва : ИНФРА-М, 2021. 340 с.
9. Титова В. Н. Формирование основных компонентов шахтерской культуры в условиях утверждения и господства соцреализма // *Культурный код*. 2021. № 1. С. 23–32.
10. Гельгардт Р. Р. Фантастические образы горняцких сказок и легенд (к типологической характеристике старого рабочего фольклора) // *Русский фольклор. Материалы и исследования : в 31 т. Т. 6*. Москва-Ленинград : Издательство Академии наук СССР, 1961. С. 193–226.
11. Криничная Н. А. Русская мифология. Духи — «хозяева» и традиционный крестьянский быт. Москва : Академический проект, 2019. 354 с.
12. Левкиевская Е. Е. Духи локусов // *Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. Т. 1: А–Г*. Москва : Международные отношения, 1995. С. 155–157.
13. Лебедь М. Я. Горькое Жито Донбасса. Москва : ИТРК, 2017. 280 с.
14. Мурзин А. А. Духовная культура горняков Европы и России: верования и празднично-обрядовые практики (сравнительный анализ). Москва : ИНФРА-М, 2017. 98 с.
15. Кононенко А. А. Энциклопедия славянской культуры, письменности и мифологии. Харьков : Фолио, 2013. 2600 с.: ил.

References

1. Losev A. F. From early works. Moscow: Pravda; 1990. 655 p. (In Russ.).
2. Ternovaya L. O. Myths about the border in the context of an integrated border management program for cross-border cooperation. *Materiały IX międzynarodowej naukowo-praktycznej konferencji "Wschodnie partnerstwo — 2013"* = *Materials of the IX Intersectoral Scientific and Practical Conference "Comprehensive Partners — 2013"* (Przemysl, September 7–15, 2013). Vol. 1. Political science. Przemysl: Science & Studio; 2013. P. 8–12. (In Russ.).
3. Ternovaya L. O. Confrontation of historical myths: the pagan cult of the gods of war and its modern interpretations. *Rossiya i Donbass: perspektivy sotrudnichestva i integracii : materialy mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii = Russia and Donbass: prospects for cooperation and integration: materials of the international scientific and practical conference* (June 28, 2022). Moscow: University of World Civilizations Publishing House; 2022. P. 498–502. (In Russ.).
4. Ivanov A. G., Polyakova I. P. Social mythology in the space of everyday life and mass media. *Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psixologiya. Sociologiya = Bulletin of the Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*. 2018;(1(33)):5–15. (In Russ.).
5. Ternovaya L. O. Patron saints of politicians, journalists and Internet users: new actors of global communication. *Mezhkonfessional`naya missiya = Interconfessional mission*. 2014;(3):141–152. (In Russ.).
6. Beck D., Kovan K. Spiral dynamics. Driving values, leadership and change in the 21st century. Moscow: BestBusinessBooks; 2010. 415 p. (In Russ.).
7. Ternovaya L. O. Geopolitics of underground communications. *Vlast` istorii i istoriya vlasti = Power of history and history of power*. 2020;6(19):29–45. (In Russ.).
8. Ternovaya L. O. Geopolitical culture. Moscow: INFRA-M; 2021. 340 p. (In Russ.).

9. Titova V. N. Formation of the main components of miner's culture under the conditions of the approval and domination of social realism. *Kul`turny`j kod = Cultural Code*. 2021;(1):23–32. (In Russ.).

10. Gelgardt R. R. Fantastic images of mining tales and legends (to the typological characteristics of the old working folklore). *Russkij fol`klor. Materialy` i issledovaniya = Russian folklore. Materials and research*: in 31 volumes. Vol. 6. Moscow-Leningrad: Academy of Sciences of the USSR Publishing House; 1961. P. 193–226. (In Russ.).

11. Krinichnaya N. A. Russian mythology. Spirits — "masters" and traditional peasant life. Moscow: Academic project; 2019. 354 p. (In Russ.).

12. Levkieskaya E. E. Spirits of loci. *Slavyanskije drevnosti: E`tnolingvisticheskiy slovar` : v 5 t. / pod obshh. red. N. I. Tolstogo = Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes / under general ed. by N. I. Tolstoy*. Vol. 1: A–G. Moscow: International Relations; 1995. P. 155–157. (In Russ.).

13. Swan M. Ya. Gorky Zhyto of Donbass. Moscow: ITRK, 2017. 280 p. (In Russ.).

14. Murzin A. A. Spiritual culture of the miners of Europe and Russia: beliefs and festive ritual practices (comparative analysis). Moscow: INFRA-M; 2017. 98 p. (In Russ.).

15. Kononenko A. A. Encyclopedia of Slavic culture, writing and mythology. Kharkov: Folio; 2013. 2600 p.: ill. (In Russ.).

Информация об авторах

Т. А. Нигматуллина — доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент, директор;

Л. О. Терновая — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры социологии и управления.

Information about authors

T. A. Nigmatullina — Doctor of Science (Political), Candidate of Science (Historical), Assistant Professor, Director;

L. O. Ternovaya — Doctor of Science (Historical), Professor, Professor of the Department of Sociology and Management.

Статья поступила в редакцию 07.04.2023; одобрена после рецензирования 21.04.2023; принята к публикации 23.06.2023.

The article was submitted 07.04.2023; approved after reviewing 21.04.2023; accepted for publication 23.06.2023.